

Борис Попов

Очень сказочная работа

18+

Борис Владимирович Попов

Очень сказочная работа 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51761475

SelfPub; 2023

Аннотация

Бесхозного юношу, в связи с неожиданно выявленными способностями к переходу в Сказочный мир, пристраивают на работу в филиал ФСБ для поиска и добычи магических артефактов. И завертелась новая жизнь, заблестала яркими красками! Первая любовь, заказчик чёрт, общение с литературными классиками – эх, понеслось!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	32
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Борис Попов

Очень сказочная работа 1

Глава 1

– Да, матерееет сынок, растет, в силу входит, – одобрительно заметил папахен.

Мне тут же представилось, как после возвращения домой из Москвы, раньше вечно мерзнувший я, окончательно заматеревший на академических курсах, обживаюсь на нашей лоджии, распахиваю пошире все окна на улицу, и, хорошенько выспавшись на уютном снегу в особо холодную зимнюю ночь, рычу грубо-хриплым голосом:

– Мать! В душную кухню не пойду. Закинь мне кастрюлю с хлебовом прямо сюда, на наледь. Я тут в холодке, на воле, косточками похрущу.

А как все безобидно начиналось в столярке при нашем ЖЭКе...

– Митя, да ты с моей стариковской точки зрения вообще везунок, – начал беседу дядя Вова, что-то между делом постругивая рубанком.

– Ага! Привалило, не выгребешь, – мрачно отозвался я.

– А твой дешевый юмор, голубчик, тут совсем неуместен. Вот, гляди как это будет по пунктам:

– Пункт первый: учиться будешь спустя рукава, потому как платно – не отяготишь ненужными знаниями свой высокий, но пока скрытый от людей интеллект.

– Очень сильно скрытый, – пробубнил я, – так сильно скрыли и запрятали, что вовек не сыщешь.

– Пункт второй: поживешь дома, по общагам мыкаться не придется, – продолжил Палыч.

– Да в общаге-то, поди, веселее, – не согласился я, никогда не живший нигде, кроме родительского дома.

– Пункт третий: хорошие родители денег сунут, лишней работой за гроши можно себя не утруждать.

– Да если я в общагу пристроюсь, тут мне денег вообще от души отвалят! Как начну жалобы петь: кушать нечего, последнюю корку хлеба без соли доедаю, так добрая мамочка со злого отца последние носки сорвет и продаст, чтобы мне помочь.

– Пункт четвертый: до женщин ты не особо охоч, за всякими нахальными и раскрашенными, как мартышки, юными девицами по молодежной глупой любви попусту не бегаешь, зря время на баб не тратишь, по юношескому неразумию рано не женишься.

– Да я бы может и побежал, да не нравится мне никто! Почему-то они все, хоть раскрашенные, хоть нераскрашенные, мне мартышками кажутся. И они меня не жалуют, говорят харизма не та, обаяния никакого нету. В общем, не мачо я, совсем не мачо. Не вышел из меня супермужчина. Не хотят

девицы со мной гулять ни в какую. А походил бы с девушкой, глядишь бы и попривык, может чего и заладилась. Да и жениться совсем не хочу, мне маминой заботы вполне хватает. Всегда сыт, одет, обут – ну что еще человеку от жизни надо?

– Пункт пятый: от зари до зари в компьютерных игрушках не сидишь, слава Богу, к этой дури не прилип.

– Да че-то нудно мне часами сидеть, день и ночь играя, перехватывать второпях еду прямо возле компа, проходя очередной уровень. Вдобавок, и в этом я не блещу, можно сказать, крайне неловок. Не мое это, совсем не мое. Мне по душе почитать хорошую книгу, потом помечтать, представляя себя на месте главного героя. Он вот так сделал? А я бы вот этак изловчился! Он герчески преодолел невиданную преграду? А я бы либо обошел, либо как по маслу хитро мимо проскользнул! Вот в этом я весь. Вдобавок, слушая моего отца, кстати умнейшего человека и достаточно успешного предпринимателя, я все чаще понимаю, что обходные пути гораздо быстрее приводят к поставленной цели.

– Пункт шестой: не куришь, не пьешь, не нюхаешь и не колешься.

– Замечательные личные достоинства с приставкой «Не», – прокомментировал этот пункт я. – А как говорил дедушка Крылов, «По мне хоть пей, да дело разумей!». Я не пью, и это, конечно же, неплохо, но и ничего делать не хочу и не умею. А не пью не из-за строгих моральных устоев или от какого-то невиданного ума, а просто алкоголь в любом виде

очень плохо переношу, вот и все дела. Курить пробовал, но после первой же затяжки весь обкашлялся и обплевался. А уж колются, по-моему, только желающие получить короткое удовольствие, а после этого годами мучиться, снимая ломки.

– Пункт седьмой: военкомат тебя по подворотням не ловит и судом не грозит.

– Я бы не прочь послужить Родине, но с моим зрением это просто невозможно. Ведь без очков я в двух шагах практически ничего не вижу. Если меня призвать на военную службу, очки или сразу потеряются, или сходу разобьются, их и здесь-то ненадолго хватает. В обороне я в наступающего врага нипочем не попаду, только патроны зря истрачу, а в наступлении сослепу куда-нибудь в сторону убегу и вообще потеряюсь.

Если выдать мне запасные очки и пристроить какой-нибудь склад караулить, так я долго хорошо не прокараулю, быстро задумаюсь, сходу замечтаюсь, и мимо меня ловкие расхитители враз все ценное военное имущество вынесут. Вот поэтому я воякам и не нужен – нет от меня никакой военной пользы, один только убыток от моего призыва ожидается.

– Пункт восьмой: сестрицу-умницу, с ее тоталитарным стилем руководства бестолковым младшим братцем, удачно сбыл на учебу на несколько лет в Москву, родители вечно на работе, увлеченные, понимаешь ли, люди! – и по вашей квартире-трешке можешь теперь хоть целый день на велоси-

педех кататься – помех нету.

– В этом, конечно, пруха, но долго ли такая лафа продлится, неизвестно. Папаша хочет заставить меня учиться, и это дело обычное, но, похоже, что в этот раз он замыслил нечто недоброе – вроде как сбыть сына в другой город. И ладно, если близко куда-нибудь, в Тольятти, к примеру, придется ездить, это можно будет как-то пережить, а если чертешу-куда меня решит выслать? Вот чего бойся!

– Делать тебя ничего не заставляют, ибо как говорит твой отец, у тебя руки отнюдь не из плеч растут, а из задней поверхности таза – словом, как вы, молодежь, выражаетесь, кругом пруха!

– Эх, дядя Володя! Красиво излагаешь, невзирая на неполное среднее образование, только с моей точки зрения, кругом непруха и проруха. Пойдем тоже по порядку.

– Мне, балбесу и лентяю (по версии отца: яркий представитель потерянного поколения) никакая учеба совсем не нужна и ни в один жизненно важный орган не стучала. Никакого призвания ни к какому роду деятельности я никогда не испытывал, ни к каким знаниям меня не тянуло, командовать и руководить никем не порываюсь. Очень большие деньги зарабатывать даже не буду и пытаться, отдыхать по заграницам не тянет, дикого желания купить новейшую иномарку – навороченный телефон – большущую квартиру – обалденную шмотку никогда не было.

Мирно сидеть, тупо глазеть в телевизор или компью-

тер, вяло почитывать очередное фэнтези, пожевывать чипсы, орешки, еще какую-нибудь фигню, и мечтать, мечтать, мечтать о несбыточном! Вот в этом я весь. Вот такой я человек, мечта любого работодателя – диванный работяга.

Будущую свою работу я совсем себе не представляю. К сожалению, жизнь тунеядца-рантье, проедающего заработанный предками капитал, мне, исходя из скромных финансов родителей, не светит. Никакого нашего или зарубежного дальнего родственника-миллионера, желающего завещать все свое имущество потомку с красивым именем Дмитрий, у меня тоже не наблюдается.

А все мои, перечисленные тобой якобы достоинства, конечно хороши, но уж очень сильно окрашены приставкой «НЕ». Можно также похвалить меня за то, что я не насильник, не убийца, не грабитель, ну и так далее. В общем, малопригодный я для жизни чуханок и ни на что толком не способен.

– Да ты подумай!

И я подумал. Очень манил призыв дяди Владимира Палыча, у которого я сейчас торчу, идти к нему в напарники в столярку при нашей управляющей компании – строгать какие-то деревяшки, резать стекла, устранять говорливым старушонкам перекосы в дверях, заделывать щели в деревянных окнах, но стальная воля моего отца, богатыря великих свершений и жизненного боевого духа, приняла иное решение.

– Учиться, учиться и учиться! – совершенно по-ленински вещал он вчера мне и матери на кухне. – Сейчас без высшего образования никуда! На работе будешь делать то же самое, а получать в два раза больше! Может даже и в три, но это уж как себя проявишь.

– Да как он себя проявит! – горестно вздыхала давно разочаровавшаяся в моих способностях мама. – Ну что он может? Вот Наташенька...

– О его сестре сейчас речи нет. Огонь девка! Хотя сейчас с ней в разведку иди. А с этим валенком ни покараулить, ни украсть. Нету в нем порыва, нет огня. Вялый он тюха-матюха, не пришей ни к какому женскому органу рукав!

Матом отец из принципа при детях и женщинах не ругался, но всегда эти сомнительные выражения мог так творчески переложить на приличную речь, что всем было ясно, какой народный перл был заменен и пока (временно, только временно!) был изъят из употребления.

– Натаха, когда ни глянь, все сидела и что-нибудь затейливое решала. Почитает для порядка какой-нибудь журнальчик вроде «Кванта» или вникнет в «Химию и жизнь», и пойдет дальше решать. Как все перерешала, ей пришла пора в институт поступать. Так она не в местный какой-нибудь ВУЗ подалась, эта отличница в столичный технический университет рванула и поступила с первого раза! Сама! Без всякого блата! Учится бесплатно! С первого курса президентская стипендия! С этого года хапнула грант на научные исследо-

вания! Не пойму только, зачем ей в команде понадобился этот профессор Ванковский или Ваковский?

– Алёшенька, наверное, так положено...

– А еще через пару лет этот Воровский на всех в этой группе положит с прибором, и погонит в Швецию за Нобелевской премией именно за эти исследования, к которым он ничего, кроме своего профессорского звания, не приложил, а Натаху отправят по распределению в деревню Собачий Ящик, где острая нужда именно в специалистах ее профиля!

– Ну, уж это ты перегибаешь...

– Чего уж тут перегибать! У нас это сплошь и рядом! А еще через год она наплюет на такую светлую жизнь в этой гнилой дыре, где нет нужного для нее научного оборудования, а никакие исследования не проводятся там с 1900 года, и не после, а до Рождества Христова, и отчалит по приглашению либо в Германию, либо в США. У нас сейчас талантливые молодые ученые долго не задерживаются, а потому внуков будешь ездить нянчить в Техас или в Мюнхен.

– Ну уж...

– Да уж! Тут, пожалуй, даже пахнет Силиконовой долиной.

– Алёша, а при чем тут силикон?

– А при том, что там не сиськи американочкам всякой дрянью надувают, а усиленно двигают вперед штатовскую и мировую науку. И все самые лучшие гранты и правительственные субсидии на научные исследования у них.

– Вот оно как...

– Именно так! Наша доча вроде планировала троих нарожать?

– Да как-то говорила об этом...

– Наша девка кремень! Сказала – сделает. Это не этот оболтус, который понаврет с три короба, да и в кусты. Вот и поставит это дело Наталья на поток: поисследовала, рванула большущий грант, нарожала. Поисследовала еще, получила невиданное жалованье, родила второго. Ну, а беременная третьим, направится по уже проторенному профессором Вонюковским пути за Нобелевкой!

– Мы же сегодня Димочкину судьбу решаем, – робко пискнула мама.

– А чего тут решать? – удивился отец. – После его прошлогоднего провала в пединституте, и решать нечего. Учиться только платно и только заочно, чтоб лишний раз не позориться. Вот только ни один ВУЗ в Самаре, мне кажется, ему не подходит, уж очень наш отпрыск неловок. Его бы на какую-нибудь неожиданную специальность выучить, пусть даже и не в нашем городе.

Я потупился. Прошлогодний позорный провал в Педе, куда в нашем городе не шел учиться только ленивый, стал у моих одноклассников просто притчей во языцах.

– Комар среди педовской абитуры единственным пацаном был, и то провалился!

– Ну почему единственным? Еще наш Лобан поперся,

правда, выпивши.

– Так двоечника Лобанова и пьяного взяли, а этого троечника вышибли!

В общем, на вступительных экзаменах я отнюдь не блеснул, и сокрушительный крах постиг меня на первом же экзамене.

– Можно еще ему ксиву просто через Интернет купить, – задумчиво заметил папенька. – Зримо дешевле выйдет...

– Меня посадят! – воскликнул я.

– Нас посадят! – обняла меня мама.

– Вы как были трусами, так ими и остались, – подытожил отец.

Военкомат от меня отстал по причине моего слабого зрения, а вовсе не после значительной взятки. У всех остальных членов нашей дружной семьи зрение было просто орлиным. Выродок-мутант, так охарактеризовал эту мою генетическую аномалию ласковый папаша. На неоднократные призывы отца отправиться на лазерную коррекцию зрения я неустанно отвечал решительным отказом: а вдруг окончательно ослепну? Всякое в этой жизни бывает! Значительные проценты выздоровевших и улучшивших свое зрение меня ни в чем не убеждали. Как говорят: и на старуху бывает проруха. Я хоть и не стар, но был уверен, что именно меня и именно в этом деле настигнет проруха. В принципе, мой внешний вид в очках меня вполне устраивал. Выглядел я постарше, посолиднее, и что немаловажно, поумнее. Хороший рост, 195 см, и

не толстяк какой-нибудь, ну может быть излишне худоват, в общем, мама считала меня достаточно приятным. Впрочем, девушки считали иначе, и постоянно при выборе себе парня меня отвергали. Ну и пусть!

Никакого оживления при виде наших девиц я тоже не испытывал. Как-то одноклассники сводили меня к известным им легко доступным бабенкам, таким безотказным давалам. У меня все получилось, но никакого обещанного прилива удовлетворения и невиданного удовольствия я от этого занятия не получил. С несказанной любовью, о которой неоднократно читал в книгах, этот процесс не имел ничего общего. Причем, никакой тяги к каким-то половым извращениям я совершенно не испытывал. Мне нравились именно девушки, очень сильно нравились девушки! Но почему-то не эти. Я даже не знал, о чем с ними разговаривать. Мутант-выродок, иначе и не скажешь.

Так-то я парень в общем и целом положительный. Мой отец не курит и весьма умеренно употребляет алкогольные напитки, вдобавок только по праздникам, вот и я пошел по его стопам. Курить попробовал однократно и с резко отрицательным эффектом, а попытавшись как-то опьяниться, попробовал в гостях крепленого вина из красивой фирменной бутылки, тут же облевался и зарекся употреблять эту гадость. А вот с девушками у меня не складывалось, хоть ты тресни. Непруха!

Однако надо плестись домой. Сегодня папаня будет выби-

рать для меня дешевенькое учебное заведение, и очень хотелось бы поучаствовать в этом празднике жизни в начале августа этого года. Девятнадцать лет мне все-таки, это вам не шутка!

– Пойду я, дядь Володь, – с тяжелым вздохом поднялся я с уютного чурбачка. – Скоро уж отец домой вернется.

– Посиди еще минутку, – чуть не силой усадил изрядно удивленного меня назад дядя Володя. – По твою душу сейчас сам Вольдемар Иванович явится.

Мои мысли испуганно заметались в тесной черепной коробке. Выходит, Палыч как-то сумел продать мою душу без всякого моего участия? И похоже по имени покупателя, что за ней явится не какой-то там мелкий бес, а сам Мефистофель. Из растревоженной памяти всплыло и увязалось в единую цепочку: Фаланд – Воланд – Вольдемар! Да еще какой-то и обрусевший: Иванович, понимаешь ли!

А у меня на груди ни креста, ни образка! Не молился и не постился ни разу в жизни. Ни одной молитвы не знаю, креститься не умею, в церкви не был никогда. Сестра крещеная, а я может и нет, точно не знаю, никогда не интересовался. Словом, подходи и бери, пока тепленький!

– А может он не придет? – спросил я блеющим от ужаса голоском. – Или сильно опоздает? – уже с безумной надеждой.

– Он никогда не опаздывает, – отверг мои домыслы Палыч. – В конторе его за это немцем зовут.

Ну да, он всегда представляется немцем, космополитизм ему чужд. Как же еще его могут называть за глаза в его конторе, то есть в аду? Не индонезийцем же! Впрочем, от встречи с такой могучей личностью, виновником всех мировых бедствий и постоянным искушителем человечества, личностью, осмеливающейся противостоять Господу нашему, не отвертись. От Сатаны, если он решит с тобой встретиться, не убежишь и не спрячешься. В общем, полный омен или аминь!

– Да вот он и идет, – сказал дядя Володя, глядя на неторопливо открывающуюся дверь. – Точен, как всегда!

По ком звонит колокол? – неожиданно всплыло в моей слабой голове. И тут же зловеще прокаркало в ответ:

Он звонит по тебе!

Песец подкрался незаметно...

Дверь закрылась, и из-за штабеля досок появился импозантный мужчина средних лет в очень хорошем костюме. Он пожал руку Палычу и спросил:

– Этого юношу хочешь предложить? Что-то он какой-то худой и дохловатый на вид. Не знаю, подойдет ли мне.

Все мое естество радостно заорало:

Я совсем негодный! Гоните меня в шею! Я больше на вашей дороге не появлюсь!

– И запуганный он у тебя уж очень, – продолжил Вольдемар. – Может, больной?

Я болен! Я страшно болен! При виде меня участковая вра-

чиха сама начинает кашлять и верещит от ужаса! – кричало во мне испуганное естество.

Палыч смущенно отвел глаза.

– Да это я, наверное, ляпнул чего-нибудь не то перед твоим приходом. Никак толком пользоваться вашим языком не обвыкнусь...

Говорил дядя Вова действительно иногда странновато. То все было обычно и привычно, а то вдруг попрут какие-то «Кудысь» да «Надысь», а то и вовсе начинают высказывать непонятные «Бяшеть», «Дочеташе», «Рокотаху». А может эти дядьки просто шпионы? Так я один фиг ничего не знаю и ничего важного выдать не могу! Хотите вербуйте, хотите нет, это в наше время не очень преследуется, а доложить куда следует, я всегда успею.

– Уверен, что он то, что мне нужно?

– Так Гамаюн сказала, а она никогда не ошибается.

– А вот Сирин с Алконостом считают иначе.

– Да кто они такие! – пренебрежительно заметил Палыч. – А Гамаюн посланница самого Велеса, его глашатай!

– А заодно по ходу прислуживает Дажьбогу и Коляде, а за ними темных дел тянется немало.

– Клевета и происки врагов! – сверкнул глазами дядя Вова.

Меня этот шпионский диспут уже начал утомлять. Вы, господа нехорошие, сначала между собой столкуйтесь, а уж потом начинайте втягивать в свои подозрительные делишки

постороннего человека. Потому я уже решительно заявил:

– В общем, мне сейчас некогда. Когда договоритесь, звоните.

Вольдемар Иванович расхохотался и сообщил Палычу:

– Я слышу речь не мальчика, но мужа, будущего суперагента, покорителя невероятных препятствий и удачливого добытчика сказочных артефактов. Да, увлеклись мы с тобой, а у молодого человека действительно могут быть какие-то неотложные дела.

Он повернулся ко мне, щелкнул каблуками и отrapортовал:

– Позвольте представиться: майор Вольдемар Иванович Бобёр! Начальник Русского Филиала Сказочного Отдела ФСИКИА.

– Что это за сказочные сики-масики? – недовольно поморщился я. – Никогда не слышал о такой организации.

– Расшифровываю: ФСИКИА это Федеральная Служба по Исследованию и Контролю за Использованием Артефактов. Наша штаб-квартира базируется в столице, откуда я прибыл час назад для того, чтобы уладить здесь кое-какие дела, ну и встретиться с вами.

Какой-то глупый розыгрыш? И сейчас из-под верстака рывкнут противным голосом на фоне дебильного смеха:

Вас снимает скрытая камера?

Тут Вольдемар предъявил мне выглядевшее настоящим служебное удостоверение. Если это и подделка, то очень ка-

чественно сделанная – синие печати и голограммы довольно-таки нелегко подделать. Вдобавок, на фото Бобёр был в идеально подогнанной форме с майорскими погонами. Как-то чересчур много усилий было потрачено для розыгрыша провинциального мальчишки.

– Наши отделы: Магический, Фантастический, Исторический и Сказочный, одним из филиалов которого заведу я. Не хотите ли поработать в нашей службе? А именно в моем подразделении?

Час от часу не легче! На кой черт я сдался солидной правительственной организации? Иваныч, видимо, принимает меня за кого-то другого! За толкового парня с невиданными способностями? Или за какую-то ловкую помесь Бэтмена и Человека-Паука?

– Кем же я смогу у вас поработать? – горестно спросил я. – Артефактом? Или так, полы помыть? Для этого совсем нет резона переть меня в Москву из несусветного далека...

– В Москву я вас переть, как вы выражаетесь, не собираюсь, в связи с тем, что не очень давно именно в вашем городе с миллионным населением открыт Русский Филиал ФСИ-КИА.

– А стало быть все остальные отделы весело устроились где-нибудь в районе Садового Кольца?

– Отнюдь. Магический Отдел обосновался в Екатеринбурге, там больше всего в России тайных колдунов и явных ведьм, обосновавшихся в службах, работающих с пенсио-

нерами и инвалидами; Фантастический и Аналитический в Новосибирском Академгородке, шутка ли, больше тридцати ведущих Научно-Исследовательских Институтов по всем отраслям знаний под боком; Исторический во Владимире, с его старорусскими, изначальными храмами – Золотое Кольцо, понимаешь ли; Арабский Филиал Сказочного Отдела в Астрахани, там до арабского мира рукой подать. Шаманский пока решили не открывать – нет специалистов нужного профиля, все в тундре шаманят, к нам ни один не идет, Западно-Европейский Филиал планируется в скором времени создать в Калининграде – все-таки бывший Кенигсберг, как-никак.

– А нашу Самару почему выбрали? – удивился я. – Мы же совсем не старорусские, тут раньше вообще волжские булгары жили.

– По представлениям древних сказителей, именно в этих краях располагалось то самое сказочное Тридевятое Царство – нам не приходится куда-то за тысячи верст переться, шагнул через Переход, и ты практически на месте, плюс минус десяток-другой километров. Вдобавок колоссальный приток магической энергии, идущий от вашего заповедника «Самарская Лука», сильно облегчает наши переносы: просто как по маслу проникаешь в Сказочный Мир.

– Говорят, там какая-то таинственная энергия прямо из-под земли прет, – согласился я, – недаром это место природным национальным парком объявили. А кто же тогда в

Москве остался? – захотелось съехидничать обнаглевшему мне. – Пятеро начальников и одна уборщица?

– Начальства там, конечно, хватает, – усмехнулся Вольдемар Иванович, – но вы забываете про бухгалтерию, плановый отдел, компьютерщиков, ученых, осуществляющих первичный осмотр и изучение добытых нами артефактов, историков, лингвистов-филологов, фольклористов, сотрудников хранилища, отдел обеспечения, куда входят оружейники, портные, конюхи, обувщики, военно-технический отдел, тренеров и инструкторов, психолога-гипнолога, секретарей и секретарш, референтов, завхоза, кладовщиков, охрану, ну и естественно, что и уборщица там в наличии, и совсем не одна.

– Бухгалтерия, это конечно вещь нужная, – пытался разобраться я, – может быть и в наличии непонятных референтов есть свой резон, но что планирует плановый отдел? Сколько нам положено сдать артефактов каждый месяц?

– Это нет, – отмел мою версию Бобер. – Но ведь нужно же рассчитывать, сколько придется выделить денег филиалам, предоставить статистические данные, собрать с нас месячные, квартальные и, самое главное, годовые отчеты, предоставить обоснование бюджета нашей организации на следующий год.

Тут я почувствовал, что моя и без того не особо светлая голова просто идет кругом. Поэтому я торопливо сказал:

– Мне все ясно! Давайте лучше обсудим мои ближай-

шие перспективы. Из всего вышеперечисленного я что-то не отыскиваю для себя работу по специальности. Вдобавок, никакой специальности у меня пока и нету. Если чего-то карать, то я физически не особо силен и никаких боевых навыков у меня тоже не имеется. Обучить меня им практически невозможно – это трижды доказали тренеры в секциях карате, дзюдо и тэквондо. Талантами не обременен!

– Наши тренеры и инструкторы – специалисты высочайшей квалификации, некоторые даже с изрядным боевым опытом, и с вашими местными умельцами их просто даже смешно сравнивать. Они любого обучат чему угодно. А насчет таланта, вот тут вы, юноша, возможно ошибаетесь. Птица Гамаюн, которая пропела «Звездную книгу Вед», считает, что вы способны преодолевать барьер, отделяющий наш мир от Сказочного, куда мы и отправляемся время от времени за артефактами.

Теперь моя слабая головушка закружилась в другую сторону.

– Да ведь нету никакого сказочного мира! – заголосил я. – Все это выдумки невежественных старух для укладывания спать внуков!

– Между тем Владимир Павлович ухитрился в нем родиться и прожить долгую жизнь, мы с Олимпиадой Потаповной, лучшей нашей оперативницей, бывали там неоднократно, и наше отделение всего за три месяца работы сумело добыть в Тридевятом Царстве целых два безукоризненно рабо-

тающих артефакта, что на фоне очень скромных достижений других отделов является несомненным успехом.

При произнесении имени лучшей оперативницы у меня в мозгу нарисовалась очень четкая картина мощной сорокалетней гром-бабы, признанной мастерицы рукопашного боя, легко ломающей подковы ручищами, каждая из которых толщиной с мою ногу. Конечно, такую любой инструктор легко драться обучит!

Я горестно вздохнул.

– Даже если я и поверю во всю эту вашу чепуху и белиберду про сказочные миры, кто меня, в этих толстенных очках и с близорукостью, освобождающей от срочной службы в армии, возьмет каким-то там лихим оперативником? Когда отец в свое время попытался пристроить меня в секцию бокса, злобный тренер, с неоднократно переломанным носом при виде этакой моей красоты сходу спустил с лестницы нас обоих!

– Да, солдатом с такой близорукостью вам точно не стать, и не только десантником или скажем морским пехотинцем, а даже и в стройбат не примут. А вот сделаться при наличии у вас необходимых способностей оперативным сотрудником нашего отдела, получив при этом офицерское звание, вам ничто не сможет помешать. Со мной-то в этом плане все ясно, просто перевели из подобного отдела ФСБ все тем же майором, Владимир Павлович сразу получил капитана, а вот наша Олимпиада уверенно движется к присвоению звания

старшего лейтенанта. Кстати, и у меня, и у Потаповны зрение тоже оставляет желать лучшего.

– На лазерную операцию, поди, решились, – завистливо вздохнул я.

– После операции свои трудности, – объяснил Вольдемар Иванович. – По яркому дневному свету особенно не разбежишься, вблизи долго ничего не рассмотришь, физические нагрузки следует ограничить, вечером или ночью ничего не видишь, а в реки и озера лучше не соваться. И хоть нам врут, что все это на недельку, на самом деле вполне может растянуться на полгода, а мы такой бездной времени не располагали. И самое главное, что хотя нас ласково манят на эту операцию хитрые офтальмологи-окулисты, убедительно рассказывая о полной безопасности этого оперативного вмешательства, всегда есть 5% пациентов, резко ухудшивших после него свое зрение. Нас слишком мало, чтобы можно было пойти на такой риск, и поэтому мы с запрещенных очков перешли на контактные линзы.

Во мне сразу всплыло воспоминание об одной ушлой бабенке, которая у меня на глазах выронила контактную линзу из глаза посреди переполненного в час пик автобуса, прямо в смесь из грязи и снега. Женщина деловито растолкала пассажиров, быстро нашла свою вещицу среди мешанины чужих ног, протерла ее просто пальцами, не утруждая себя поиском стерильного носового платка, и вставила линзу на место. Я аж ахнул! Во мне этакая лихость напрочь отсутствует, уж

очень глаз жалко. Вдобавок, каждый вечер снимать линзы, опускать их в стакан с неведомым раствором, а утром одевать, ну это просто выше моих сил.

– Сомневаюсь я что-то во всей этой музыке... – протянул я, памятуя о том, что недоверчивость – это лучшая защита для дурака.

– Ты, Димка, главное сумей через Переход пройти, а все остальное приложится! – попытался ободрить меня Палыч.

– Мне подумать надо, посоветоваться кое с кем...

– Лучше не разглашать, – нахмурился на меня строгий майор, – не поймут! Конечно, подписку о неразглашении я возьму с вас только после официального трудоустройства, но распускать язык не советую и сейчас. Надеюсь, понятие «Государственная тайна» вам знакомо?

В голове замелькали плакаты сталинской эпохи: «Болтун находка для шпиона!», «Враг не дремлет!», и потянуло забытым запахом приснопамятных репрессий той поры.

– Я ни под какой ответственностью не подпишусь! – запаниковал я.

– Конечно, дело ваше, – пожал плечами Бобёр, – но упустить такого ценного специалиста мы не намерены.

– Бить будете? – понурился я.

– Это не наш метод.

– Значит, пытать? – сломлено поинтересовался я.

– Бросьте вы эти ваши ужасы! – пресек мои домыслы Вольдемар Иванович. – Пойдете к нам вольнонаемным, толь-

ко без офицерского звания. Поэтому денег получать станете гораздо меньше и ваш выбор оружия будет ограничен.

– Зато говорить буду, что хочу! – запела моя душа.

– Да ради Бога! Очередной раз выйдете из сумасшедшего дома, в просторечии называемого психушкой, отплеываясь от насильно всунутых в вас препаратов и, трясясь после ласкающей шокотерапии добрых санитаров, осознаете, что иной раз лучше и промолчать о роде своих занятий – целее будете. Ведь родители вашему выбору не порадуются, бывшие друзья сходу предадут, девушки от вас отвернутся, а самое главное, никто в эти байки не поверит. И всей толпой, желая сделать как лучше, помочь своему чудику, вас в психушку и отволокут. Ну а уж там вам отказу не будет! Мудрый доктор по вашим рассказам и выяснением предыдущих склонностей молодого человека у родителей и товарищей, тут же поставит неутешительный диагноз, что-нибудь вроде шизоидной паранойи, осложненной синдромом Семеновского-Пшидрановского с элементами кататонического ступора, и вперед, под опеку заботливых, но очень неласковых санитаров.

– А вообще отказаться от вашего предложения я могу? Буду помалкивать! – попытался отвертеться я.

– Ну, разумеется, – не стал разрушать мою мечту о спокойной жизни Бобёр. – Только кем вы в этой жизни станете? Разнорабочим? Грузчиком? Особых способностей, как я понимаю, и какого-либо призвания у вас нет...

– У меня будет высшее образование! – пискнул я.

– Да оно сейчас почти у каждого, – отмахнулся мой собеседник. – Только без протекции, способностей, опыта, деловой хватки, которой у вас, к сожалению, не наблюдается, высшее образование сейчас, это звук пустой. Работы найдется, плюнете и подадитесь в грузчики. Называться это будет как-нибудь красиво: экспедитор, мастер по выдаче продукции, офис-менеджер склада, курьер, но суть дела от этого не изменится – носить вам, не переносить.

– Да я его к себе в случае чего возьму! – возмутился дядя Володя, – паренек-то уж больно хороший да добрый.

– Да если бы не основная заработная плата у нас, ты бы здесь давно зубы на полку положил! – отчеканил Вольдемар. – За то, чтобы старухам песенки петь, да запах любимого дерева нюхать, много не платят, и на эти деньги прожить решительно невозможно. Твоя жизнь уже устроена, можно и позабавиться, а ему еще жить да жить. Один-то он еще так сьяк перетерпит, а создаст семью, пойдут дети, придется искать свое хлебное место.

– Так-то оно так, – повесил курчавую седую голову Палыч, – да уж больно он зелен, неловок.

– И что? Олимпиада у нас тоже годами не отягощена, а вон каким самородком блещет!

– Так-то Олимпиада, а ему бы обождать малость, поднабраться жизненного опыта, слегка опериться...

Я вздохнул. Опять то же самое, что и с талантливой ум-

ницей старшей сестрой, и опять я кругом в дерьме.

– А некогда оперяться! Не развиваешь способности, не используешь, организм их может навеки утратить, так сказать рассосать, чтобы использовать расходуемую на них энергию для других неотложных нужд. Это правило действует в отношении любых мышц, сухожилий и связок. Последнее время ученые пришли к неутешительному выводу, что и ум с памятью, и всякие таланты ждет при неиспользовании та же судьба. Сейчас судьба дает юноше редкий шанс использовать дарование, которое встречается у одного на несколько миллионов человек, а может быть и реже, а он нудит: я подумаю, я посоветуюсь, и почему?

– Почему? – спросили мы с Палычем хором.

– А потому, что этот наивняк думает, что сия редкая способность ему на всю жизнь дадена. Сейчас он лет пять поучится, потом несколько лет поколотится за гроши в разных занюханых конторах, а уж потом точно так же блеснет. Придет к нам с тобой и заявит:

Вот он я! Владейте мной и используйте молодого гения как хотите! А то злая жена уже всю плешь проела за маленькую зарплату, дети вкуснятину и модную одежду требуют постоянно, а меня везде недооценивают, платят гроши и вечно гонят взашей.

А вполне возможно, что ты уже к тому времени отойдешь от дел, меня куда-нибудь переведут, и на месте начальника отделения будет восседать уже заматеревшая на нелегкой

службе Олимпиада Потаповна, а ведь она с ним нянчиться не будет – сейчас-то уже ох как сурова. А способность за эти долгие годы успела рассосаться, прыгнуть через барьер наш орел теперь не в состоянии, и пойдет он, не солоно хлебавши, горько сожалея об упущенной возможности. Такой шанс, как сейчас, бывает в жизни только раз. Есть способности? Дерзай! Не умеешь? Научим! Нужна помощь? Поддержим! А он: подумаю, посоветуюсь, побегу к мамочке, пожалуюсь... Тьфу!

– Да я что... Я ничего...

– Вот то-то и оно, что ничего! Какая-то ты просто ни Богу свечка, ни черту кочерга!

Я опять вздохнул. Этот майор живая копия моего отца: тоже буря и натиск, такая же способность к изменению жизни и сила в рывке. И папаше, несомненно, пора бы уже быть миллиардером, а этому сказочнику генералом, да вот почему-то обоим Бог фарта не дал – оба пока как-то мелко плавают. А уж гонору, спеси перед подрастающим поколением у них хоть отбавляй!

– Ладно, пойду я все-таки подумаю...

– Думай, думай! Только не дольше трех дней. Я под это дело из руководства временную вакансию выбил, и, если ты заволынишь или способности к переходу не подтвердишь, она перестанет действовать. Моего злого умысла тут нет, так начальство решило.

– Ладно...

– Я, вдобавок, отправляюсь как раз в это время назад в Москву для улаживания личных дел, вот заодно пристроил бы по ходу и тебя куда нужно.

– Да что мне нужно...

– Тебя надо обучать, экипировать, подобрать линзы для постоянного ношения, да мало ли занятий на новом месте работы. Подъемные я тебе выдам сразу после подписания трудового договора еще здесь, а дальше будешь получать деньги в бухгалтерии или по зарплатной карте. Все наши, и Энгельс, и Владимир Павлович на себя и на Баюна, получают зарплату по карте Сбербанка.

Что ж там еще за баян такой появился? – подумалось мне. Пршлый раз, когда я у Палыча был, у него даже захудалой гармошки, и той не было. Валялась в углу его единственной комнаты потемневшая от времени доска со здоровенной дырой в широкой части с натянутыми на нее струнами, которую он звал гусями, и все. А тут ловкий старик мало того, что каким-то приличным инструментом обзавелся, так еще и казенную денгу под это гребет. Вот кругом людям пруха! Про Энгельса в русских сказках я пока ничего не знаю, небось несется этот немец по неведомым проселкам в поисках артефактов на своем «Мерседесе», уведенном прямо из стойла прославленной «Формулы-1», распугивая леших и водяных. Про знатную ударницу Олимпиаду упомянуто не было, ей, наверное, получку прямо на дом приносят.

– Обычно обучение занимает месяца два-три, – завершил

свою речь Бобёр, – но это уж как получится.

У всех два-три, а меня и за год ничему толком не выучишь, промелькнула в голове пораженческая мысль. Меня отец как-то взялся обучать клеить обои, а он человек очень упорный, так отчаялся буквально на третий день растолковывать своему непонятливому сынку, как следует подогнать верхний край нового куска к потолку, при этом не наезжая на уже приклеенное, да и рисунок чтоб совпадал. К концу обучения он уже всю ругал меня матом, что ему вообще-то несвойственно, но и это не помогало...

– Митя, ты забеги ко мне вечером, может чего и присоветую, – дружески позвал меня в гости Палыч.

– Хорошо, – уже не зная, как улизнуть от немедленного решения трудного вопроса, согласился я. – Квартира у вас все та же?

– Мой переезд может состояться уже только на кладбище, – хохотнул дядя Вова. – После семи обязательно заходи.

Добрый старик. Славный старик! Не карьерист и не бизнесмен, знай себе посиживает да какие-то чурочки строгают. Я кивнул и торопливо унесся навстречу получению очередных людей за опоздание от строгого отца.

Глава 2

Подросел я, как обычно, к шапочному разбору.

– Что-то он не очень у нас похож на директора гостиницы или руководителя персоналом, – скептически заметила мама, обзревая мою запыхавшуюся, потную и красную от усиленной ходьбы физиономию, – вроде и жары-то особой нет, а Димочка уже взмок весь.

– А на кого он у нас сильно похож? На руководителя хора глухонемых? Или менеджера по управлению овцами, в старину гордо именуемого пастухом? Ясное дело, что руководить он никем и ничем не способен, но с удостоверением о высшем образовании по гостиничному сервису и туризму, пока еще редким в наших краях, может возмут хотя бы на ресепшен, пугать вороватых постояльцев бликами от стекол очков? Приезжие будут думать, что на входе-выходе для борьбы с заносом водки и выносом гостиничного имущества, посажен особо зоркий работник, который через свои бинокляры на три метра под землю зрит и всегда поймает за хищную лапу расхитителя дырявых полотенец, украшенных штемпелем отеля с одноразовыми тапочками в придачу. Может и платить станут чуть побольше, чем обычной уборщице?

– Что-то я не припоминаю в нашем городе такого интересного высшего учебного заведения, – предчувствуя нелад-

ное, занял я.

– А их у нас и нету! – радостно объяснил оптимистично настроенный папаша. – Но не в наш же авиационный, который на всю страну славится или в чрезвычайно востребованный в наше время институт связи тебя, бестолковца этакого, волочить! Там мы хоть из кожи вон вылезем, оплачивая такое столь дорогое для таких, как ты, обучение, все равно тебя выпрут с первого же курса, ибо мой сын абсолютно неловок и к учебе не приспособлен.

И тут выяснилось, что папенька отыскал на просторах Интернета устраивающий его по цене ВУЗ, выпускающий менеджеров по гостиничному сервису и туризму, где-то то ли в Омске, то ли в Томске, я толком не расслышал, а уточнять не стал. Во всех ВУЗах страны прием документов на очное обучение был закончен еще 25 июля, а эти сибиряки продлили его до 15 августа именно для платных заочников. Конечно, желающих поехать на учебу именно в жаркую Сибирь наверняка не густо, вот и заманивают народ поздней сдачей документов.

Хорошо, что папахен учебное заведение не где-нибудь за Полярным Кругом нашел, туда, поди, до самого Нового Года можно пристраиваться. А если я и туда экзамены провалю, то он лично загрузит меня на оленей и притащит в Университет будущих гостиничных менеджеров в Арктике, а там прием документов длится всю полярную ночь, аж до февраля. Сдал документы, грузись на нарты и гони потом на соба-

чьей упряжке на экзамены! А там всей абитуры будет всего двое – я и белый медведь. На экзаменах мы, конечно, оба не блеснем, но медведя возьмут однозначно, а то он при отказе в приеме съест от огорчения кого-нибудь из экзаменаторов. А за неловкого меня замолвит словечко папаша, шепнув кому надо, что придурковатый Комаровский сильно исхудал в дороге, а был знаете какой жиртрест, с того резко охищнел, и может сожрать всю приемную комиссию. Двух собак и каюра, управлявшего упряжкой, он за время экзаменов уже съел.

– Ездить туда будешь два раза в год, только на сессии, – манил своего бестолковика мудрый отец, – оплата не беспредельная, кое-как осилим, заодно разомнешь кости, проветришься. А то целый день-деньской дома торчишь, в носу ковыряешь, да в монитор пялишься.

– Наш Димочка пропадет в дороге! – захохла сердобольная мамочка. – Тысячи километров по сибирской тайге, по непереносимому северному морозу!

– Небось, не околеет! – отмел эти благоглупости строгий батя. – Пусть привыкает к житейским трудностям, не весь же век мы его будем нянчить. Может и девчонке какой-нибудь там или где по дороге приглянется, а то вечно как рак-отшельник один сидит. Бывают девчата-заботницы, которые прилипают душой к этакой орясине с юности и заодно со своими детками и стариками их обихаживают.

– Ну не знаю, – усомнилась в такой моей ловкости и доблести даже очень любящая меня мама, – такие девицы уж

вроде вымерли еще в прошлом веке. Да и не ловок он по женской линии, совсем неловок...

Я и в самом деле не заманивающий своими статями женщин роковой мачо, да и нет у меня выраженного мужского шарма и обаяния. Типичный очкарик-ботаник, только еще глуповатый и неловкий в придачу.

– Может еще повезет..., – неуверенно предположил оптимист-отец. – Всякое ведь в жизни бывает – дуракам частенько удача сама в руки прет.

Только я ведь еще и невезуч, вдобавок ко всем моим красотам. Если вероятность вляпаться в какое-нибудь дерьмо составляет всего один процент от возможных исходов, я его ни за что не упущу, и вляпаюсь в это ароматное вещество обязательно. В общем, кругом перспективный студент, покоритель бескрайних сибирских просторов и присуха девичьих сердец! А я против, активно против опасной поездки невесть куда в одиночку. Вдруг по пути привяжется опасный уголовник со стажем? Он же меня легко ограбит и ссадит на первом же полустанке, а сам умчится в привычную ему сибирскую воровскую малину. Но моим мнением в нашей семье никто и никогда не интересовался.

Поездка под охраной специально обученного всем видам боя майора на фирменном поезде в столицу нашей Родины вдруг показалась мне гораздо предпочтительнее. Этот опытный офицер злого зыка играючи засунет в дыру вагонного унитаза вместе с его финкой и наколками, не раздумывая:

пролезет, не пролезет, покажет, как и куда проехать в самой Москве, пристроит на бесплатное обучение и временное жильство, выдаст подъемные и вообще за мной присмотрит. А за артефактами еще невесть когда отправляться, вдобавок в милую сказочку, где даже женщина Олимпиада проявляет себя недюжинным бойцом. На фоне отцовских опасных затей эта перспектива вдруг стала казаться мне сияющей. Решено! Вечером иду на окончательное совещание к Палычу и будь что будет! Родительские споры и обсуждения как-то сразу показались мне неинтересны.

– А может мне вместе с Димочкой в Сибирь поехать? Пригляжу за ним в дороге, покормлю.

– Потом его спать уложишь и колыбельную споешь. Хватит уже этого лося на каждом шагу нянькать и ублажать! Он ростом уже выше меня вымахал, а все простейшую яичницу сам себе толком пожарить не может – вечно или яйца уронит, или масло мимо сковороды нальет. И все это плоды именно твоего ласкающего воспитания. Этак ты и на работу его еще потом водить начнешь.

– Ну, зачем ты так грубо...

– Все! Проехали! Ты свой очередной отпуск еще в марте месяце отгуляла, а сейчас всего лишь август, и все ваши опытные тетки на отдых отправились. Отгулы у вас давать не принято, желающих вместо тебя поработать наверняка не отыщется, что ж тебе из-за этой никому ненужной поездки увольняться что ль?

– Да это все, конечно, верно, но...

Я не выдержал и гордо удалился из родительской спальни. Моего ухода никто даже и не заметил. Сначала вволю наелся на кухне, а потом завалился на диван в своей комнате и решил поразмышлять о будущем спокойно. Бесплатное обучение в столице, за которое мне еще и станут платить, очень привлекало и хотелось немедленно стать вечным студентом.

И ладно бы хоть эта лафа длилась какое-то разумное время, лет пять-шесть, а то всего-то пару месяцев. Что такое пара месяцев? Да нет ничего! А там выгонят в чисто поле, разгуляться на просторе, враз какой-нибудь палицей или булавой по неразумной головушке огребешь от разбойника или славного витязя. Примут за чужака, и мне капец.

Мои оправдания, что я полностью русский и в доску свой, в расчет могут и не принять, ведь раньше татаринном называли любого сомнительного человека, появившегося с юго-востока, и плоховато знающего наш язык. Говорят в этом тридевятом сказочном царстве-государстве наверняка на древнерусском, чуждом и непонятном для меня языке. И за два месяца такого полиглота как я, никакому языку обучить невозможно.

Школьная учительница-англичанка за несколько проведенных в моем обществе лет с этим смирилась и ставила дежурные тройки, уже даже не пытаясь вникать в бездны моей лингвистической тупости и бездны моего незнания языка Шекспира и Байрона. Попытки объяснить мне все эти презе-

ты и континуумы, борьбу за разучивание минимального словарного запаса, не говоря уж о правильном произношении, она бросила еще на первом году нашего знакомства. Приливы неистового гнева, который охватывал ее первое время после моих блестящих ответов с дежурным криком непонятно что обозначающем: «Анде зе до»! – тоже постепенно сошли на нет. А тут вдруг я бойко заговорю на практически неизвестном мне языке всего за каких-то два месяца? Ну это просто какая-то нереальная задача! Впрочем, чего мне больно бояться? Пусть позабавятся шестьдесят дней, а потом уволят без выходного пособия, не обеднею, ведь у меня и сейчас ничего нет.

Тут пришла мама с вопросом, какие еще теплые вещи мне будут необходимы для будущей поездки, и взялась мерять матерчатым метром мою поясицу перед непременно покупкой нужнейшего пояса из собачьей шерсти. Следом заявился отец с выяснениями, какое оружие для самозащиты я предпочитаю: электрошокер, газовый баллончик или пневматический пистолет. Ужас вновь охватил меня: мало того, что в дороге все равно отнимут деньги и пояс из шерсти лучшего друга человека, так еще и надают по шее за попытку самозащиты. Ну, а на прощанье наверняка еще разрядят в меня же бывший моим шокер, брызнут в нос из моего же баллончика и добьют резиновой пулей из моего же пистолета в лоб.

От всего этого я сбежал на улицу и пересидел пару часи-

ков на лавочке подальше от отчего дома, игнорируя родительские звонки по телефону. Как-то все было зыбко, чреватое неожиданностями и грозящими мне опасностями. Конечно, очень хотелось пойти по проторенному уже несколькими поколениями пути: получить высшее образование за родительский счет, не обращая внимания где и какое. Но ведь Вольдемар Иванович был абсолютно прав – в этом случае меня ждет безрадостная и полунищая жизнь, а точнее даже не жизнь, а жалкое существование.

Но его манящий вариант выглядел как-то уж очень опасно. Боевые тренеры легко могут сломать мне руку или ногу просто невзначай, о чем-нибудь задумавшись, или зарубить тяжелым мечом. Могут между делом наколоть на копье или всадить стрелу между глаз. И на прощанье вздохнуть: уж очень он был неловок. Могу убиться сам, свалившись с лошади. Не сумев увернуться, получить кистенем или дубиной от сокурсников. В общем, куда ни кинь, всюду клин. Разумеется, лучше отказаться. Я же совсем не герой, и эти опасные приключения мне совершенно ни к чему. Значит, вперед, в безрадостное и унылое существование? Я чуть не завыл от такого выбора. Обдумывал долго и, наконец, так ничего и не решив, с тяжелой душой направился к Палычу. Вдобавок чую – нет у меня никаких таинственных способностей, перепутала меня птица Гамаюн с кем-то умным, боевым и ловким. И никакого влияния заповедника «Самарская Лука» здесь, в Самаре, я не ощущаю. Тридцать километров, это

вам не хухры-мухры какие-нибудь, а слишком значительное расстояние.

Палыч проживал в нашем же доме, только в другом подъезде и на первом этаже. Впрочем, в нашей двадцатичетырехэтажке был еще и нулевой, где сидела консьержка, и минус первый в подземном гараже. Конечно, первый этаж есть первый этаж и недолго молодому парню подняться пару пролетов лестницы. Вот только домофона у старика не было, а чтобы пройти просто на лестницу через другую дверь, нужно было долго ожидать кого-нибудь местного с ключом, поэтому я предпочитал идти через консьержку и подниматься к дяде Володе на лифте.

Увидев меня, дежурившая сегодня консьержка расплылась в умильной улыбке.

– Здравствуй, Димочка! Как обычно, к Владимиру Павловичу?

– Здрате. Куда же мне еще у вас идти?

– Экий ты бука! Владимир Павлович уже дома, какую-то рыжую девицу провел. Внучка, что ли?

– Понятия не имею, – хмуро буркнул я, – всех не упомянешь, – и прошел к лифту.

– Привет ему от мен...

Тут двери лифта захлопнулись. Семидесятилетний Палыч для женского пола был просто неотразим. Три моложавые шестидесятилетние консьержки его подъезда прыгали перед ним на задних лапках – он им пел и рассказывал, возвраща-

ась с работы, всякие басни. Но главный упор он делал на сорока-пятидесятилетних справных и симпатичных постоянно меняющихся женщинах, которых этот старый ловелас принимал за ужином при свечах через день.

Когда я спросил, почему эта работа не ведется ежедневно, дядя Володя вздохнул и пояснил, что его способности уже не те, что были в молодости, и ему требуется некоторый отдых.

– Да и сам подумай, Дима, на что мне женщины ежедневно? Память моя уж не та, что прежде, частенько путаюсь в их именах и датах прихода, а это ведет к тому, что они заявляются по двое, а иной раз и по трое. Неизбежные конфликты приводят к разнообразным неприятностям: кричат друг на друга и на меня, пытаются бить посуду и ломать мебель, а раз даже разодрались между собой. Вот я и ввел посещения через день. Тихо, уютно, чистенько. Каждая пыль протрет, кое-кто и полы помоеет, а того, что они наготавливают, мне как раз на пару дней хватает и, главное: никто не мешает глядеть телевизор! И не требует глядеть какую-то бабскую ерундовину, невыносимую для нормального мужика.

– Ну и физические силы ваши, наверное, уж тоже не блещут?

– Да пока не жалуюсь. А вот память, память сильно хромает!

– Ну так заведите какую-нибудь одну, постоянную, да и женитесь.

– Что ты! – аж замахал тогда руками седовласый краса-

вещ. – Баба обживется, и ее уж потом не вышибешь!

– А зачем ее вышибать? Одну-то небось по имени проще упомянуть?

– Черта ль мне в ее имени? Их всех можно одинаково звать: белочка, курочка, рыбонька – они проглотят, пока не обжились и никаких прав не имеют. Так-то она вроде простая и душевная бабенка, ловкая по хозяйству, заботится о тебе день и ночь, не знает, как и чем угодить, а если у нее эти права появились, так фу ты ну ты, лапти гнуты! Аж удивишься, откуда только что взялось. Горделивый взгляд, слова cedятся сквозь зубы, враз невесть какие наряды и косметика появятся и все чего-то требует, требует, требует.

Немедленно на кухне новые шкафчики повесить! Да вроде висят..., ноешь ты. А в ответ: у тебя дешевые дрова, а нужно заказать в фирменном салоне настоящую, стильную вещь. Твой драный кухонный столик немедленно выкинуть вместе с помойными табуретками и купить то же самое, но итальянского производства. Электроплита такой простенькой быть не должна, нужна с грилем, автовыключением и про конвекцию не позабудь! Унитаз совсем дрянной, ванна нужна побольше и фигурная, люстры не те, потолки должны быть не беленые, а тканевые.

Твой полотенцесушитель просто слезы, кровать, комод и шкаф порубить на дрова, чтобы не тяжело было до мусорного контейнера тащить, ну а деревянная входная дверь это же просто позорище. Я все заменю! За твой счет, разумеется.

И не забывай выдавать мне деньги на наряды, дарить простенькие украшения (конечно золотые и с немалыми самоцветами). Квартирка у нас маловата, а вот двушечка, а еще лучше трешечка, будут пока в самый раз. Разумеется, пока скромный коттедж в черте города не закончим строить. И не забывай про покупку мне мерседеса или лексуса.

Да я и за десять лет столько не заработаю!

А ты не ленись. Не валяйся тут вечером на диване с гусями в руках, кстати не забыть мне их сегодня же выкинуть, а почаще на работу бегай. Столько не платят? Работу смени. Походи на две, а лучше на три работы! Не осилишь, годы не те? Небось не издохнешь! Хоть и стар, а крепок и могуч еще старый дуб! Кстати и моим детям, которых я от других мужчин нарожала, не забудь помочь. Что что? Они уже взрослые? Пора бы и самим зарабатывать? Ты чушь-то тут не носи! Заткнись и помалкивай! Это же наши дети! Они же не виноваты, что ты всю жизнь где-то шлялся и семье не помогал!

И тут у меня будет всего два выхода: либо отдавать ей все безропотно, сутками пыхтя на работе, либо начать спорить. Если делать все, как она хочет, долго не проживешь – укатают сивку крутые горки. Поэтому они все или вдовы, или разведенки. Ты хочешь мира и покоя, все отдал, а она все равно будет затевать скандалы на ровном месте по глупейшим поводам: почему в горячем кране вода недостаточно горячая, куда ты глядел, когда квартиру не в самом центре брал, а на

500 метров в сторону, что ты на эту страшную девку в бесстыдно короткой юбке выпялился? Спорить с бабой бесполезно: ей на все твои доводы наплевать, и слушать она тебя будет только для вида, а сама неумолимо станет талдычить свое и долбить тебя, как три дятла разом. Побить ее, а тем более высечь, сейчас нипочем нельзя: враз набежит милиция-полиция, подхватит тебя под белые ручки и к разбойникам в кутузку. Последнюю рубаху с себя будешь готов снять и отдать, лишь бы отпустили душу на покаяние!

И я как-то на досуге прикинул, а что же получится, если все ее дела, которыми она так гордится, переделают за деньги специально нанятые люди. Их нужно всего трое: молодая и умелая шлюха для постели, хорошая повариха, аккуратная и чистоплотная домохозяйка с функциями посудомойки, уборщицы и умеющая пользоваться твоей стиральной машинкой. И все! Работать им нужно: шлюхе один час через день, поварихе два часа раз в три дня, домохозяйке два часа в неделю. Гораздо дешевле получается! И никакой мороки.

– А покупать продукты? – вступился за женщин я.

– В магазин я могу дойти и сам – вон супермаркет из окон видно, – отмел мой слабенький довод дядя Вова. – Можно организовать закупку и доставку на дом через Интернет – ничуть не дороже получается, а возни зримо меньше. Да и много ли еды мне одному нужно...

– Вы же не умеете пользоваться компьютером!

– Подождет – враз выучусь. Ты мне все на бумажке напишешь, а я научусь.

– Проще я вам прямо из дома со своего компьютера закажу, – пробурчал я.

– Вот и славненько! – зримо обрадовался такому решению Палыч. – Два раза в месяц по полчаса поработаешь, а я отдарюсь так, что в обиде не останешься. А то всякую картошку, лук, морковь, капусту таскать в больших количествах уже тяжелоделается – старость на подходе.

– Да я вам и так могу сбегать...

– А не надо так! Раз сбегает, два сбегает, а там и устал, и свои дела навалились. А за живую копейку и закажешь, а при нужде и сбегает, и в обиде не будешь.

Я тогда только пожал плечами – ну что тут скажешь, старик все видит в каком-то черном цвете. А может он просто очень умен и опытен? Не мне судить, у меня пока ни ума, ни семейного опыта. Все это за пару секунд пронеслось у меня в голове за время поездки в лифте. После этого разговора я у Палыча дома уже месяц как не был. И тут он вдруг приводит молодую рыжуху. Занялся, как и обещал, наймом рабочей силы? И наверняка начал с постельных потребностей...

Зачем тогда сегодня меня было звать? Встретились бы с тем же успехом и завтра. А может дядя Вова через барьер Царевну-Несмеяну сумел перетащить? Сейчас увидит она мою глупую рожу, да как расхохочется! И на тебе Дмитрий-Царевич полцарства как с куста! Ладно, оставим пока глупые

мечты, потом дома вволю на этом отличимся.

Я постучал в деревянную дверь – звонки Палыч не признавал, они (даже самые мелодичные) его нервировали.

– Пришел все-таки? Не струсил? Вот и молодец! Проходи на кухню, там нам удобнее будет, – говорил дядя Володя, запуская меня внутрь.

Я зашел в двенадцатиметровый кухонный отсек (в домах старого жилого фонда комнаты бывают меньше) и устоялся на худенькую рыжеволосую девушку примерно моих лет, сидящую возле кухонного стола лицом ко мне. Девушка была самая что ни на есть обыкновенная: веснушки, курносый носик, губки бантиком, современный сарафан, только что не накрашенная. Вдруг раздался шум, как от работы стиральной машины. У ног девушки присела вылезшая из-под стола большая черная пантера с белым треугольником на груди! Ее желтые глаза внимательно смотрели на меня, видимо решая: употребить гостя в пищу прямо сейчас или немножко обождать. Девушка чесала эту живность под нижней челюстью, а та издавала этот монотонный рев, видимо урчала от удовольствия.

– Липа, – строго сказал Палыч девушке, – не балуй Баюна! А то он еще и на ручки проситься начнет!

Так вот на кого Владимир Павлович деньги по карте получает, а я, не дослышав в столярке, подумал, что майор про обычный баян толкует. А это Кот-Баюн, который одним взглядом своих жертв усыпляет.

– Дядя Володя, а почему Кот-Баюн такой здоровенный? В русских сказках он вроде кот как кот, только с невиданными способностями.

– Это ты плоховато русские сказки знаешь. Там ясно пишут про огромного кота-людоеда. Это Пушкин из него добренького рассказчика и певуна, вроде меня, сделал.

У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем, и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом;
Идет направо – песнь заводит,
Налево сказку говорит...

Ну и так далее. А в народных сказках более жуткий вариант: там сидящий на железном столбе в мертвом лесу, где никакого зверья и не водится, Кот-Баюн завораживает и усыпляет путника своими разговорами и песнями, а потом съедает. О золотой цепи там и речи нет, и кот не ходит справа налево, а лазает вверх-вниз.

– А чего он тут делает? Меня усыплять заявился?

– Что ты! Мой старинный друг Баюн выбрал безобидный пушкинский вариант и жил себе припеваючи на зеленом дубе в Лукоморье, совершенно никому не принося вреда. Кормили его в благодарность за излечение всякие болящие, ибо голос Баюна обладает выраженным целебным действием. Жилось ему в целом неплохо, золотую цепь мы с ним на всякий случай припрятали и заменили на железную, как

вдруг повадилось к дубу ходить Лихо Одноглазое и наблюдать недобрым взором за Баюном. Было ясно, что ничего хорошего от этого наблюдения ожидать не приходится, и я от греха подальше увел его сюда. Ладно, хватит о грустном. Дима, а это наша ударница сказочного труда Олимпиада Потаповна.

Я поморщился.

– Мы же вроде с тобой хотели с глазу на глаз потолковать, посоветоваться, а тут опять какие-то чужие люди... Может мне лучше в другой раз зайти?

– Ты, Дима, сегодня как-то необдуманно горяч. Липа нам совсем не чужая, она одна из наших. Кое-что знает и понимает гораздо лучше меня. Вы, местная молодежь, для меня просто темный лес какой-то: ничего не хотите, ни к чему не стремитесь, лишь бы в компьютер или телефон целыми днями глазеть. Учитесь через силу, работаете спустя рукава и к реальной жизни совершенно не приспособлены. А Олимпиада, она хоть и другая, но отлично понимает вашу психологию, и посоветует что-то реальное гораздо лучше меня. Вдобавок, если ты все-таки решишь к нам присоединиться, то должен понимать, что мы по одному за артефактами не ходим – самое меньшее на пару идем.

– А почему так?

– Мало ли что может приключиться в дороге! А двое не один. Напарник прикроет тебе спину, раненого из боя вынесет, как-то особенно ловко вырулит в трудной ситуации, где

ты встал в тупик.

– Ну, это со мной, тут спора нет. А чем Олимпиада может помочь такому орлу, как майор Бобёр? Или тебе, прожившему там долгие годы, знающего всю нечисть и магических персонажей в лицо, и изучившего каждую стежку-дорожку?

– Не буду голословным, приведу живые примеры. Липа пошла с Вольдемаром за Мечом-Кладенцом к богатырю Бове Королевичу. А тут вдруг выясняется, что Бова отбыл на родину, во Францию, повидать родню, а меч прихватил с собой. Казалось бы, что делать? Для майора решение было очевидным – возвращаться несолоно хлебавши из очередного неудавшегося похода, а Липа припомнила странную хромую старушку в корчме, где они по пути останавливались, чтобы узнать дорогу, которая слишком часто поглядывала, отвечая, в маленькое ручное зеркальце. Рванули назад, и точно – зеркало оказалось магическим, показывало короткую дорогу куда нужно, и морщинистая старуха, оказавшаяся Бабой-Ягой Костяной Ногой, охотно его уступила проезжающим за шесть золотых. Вот так наш филиал добыл свой первый артефакт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.